

Н. П. КОЛПАКОВА

Двадцатые годы

Мои первые воспоминания о Варваре Павловне Адриановой-Перетц относятся к самому началу 20-х годов XX в., ко времени моего учения в Российском институте истории искусств.

Своеобразное это было учреждение. Возникнув в 1912 г. на базе частной искусствоведческой библиотеки гр. В. П. Зубова, оно привлекло в свои стены сначала знатоков и любителей изобразительного искусства — античного, западноевропейского и древнерусского; в 1912—1917 гг. тут для немногочисленной аудитории читались лекции и велись практические занятия в семинарах по специальным вопросам мировой живописи и скульптуры. Крупные научные силы, привлеченные В. П. Зубовым для педагогической работы, быстро создали молодому Институту авторитет в среде тогдашней научной общественности. И когда в 1917 г. выяснилось, что Институт мог бы значительно шире раздвинуть рамки своей проблематики и стать полезным и нужным очень широким кругам населения, произошла первая реформа: к первоначальной группе ИЗО в 1919—1920 гг. одно за другим присоединились МУЗО, ТЕО и ЛИТО. Они образовали четыре основных разряда Института, переименованных вскоре в отделы.

Проводя научно-исследовательскую работу в области изобразительного, музыкального, театрального и словесного искусств, отделы параллельно начали готовить молодых искусствоведов по всем этим профилям: научные кадры нужны были и музеям, и консерваториям, и вузовским кафедрам, и множеству учреждений академического характера, с каждым месяцем расширявших свою сеть. В 1920—1921 гг. нас принимали в Институт не как студентов, а именно как «кандидатов в научные сотрудники», которые после сдачи определенного комплекса экзаменов переименовывались в «научных сотрудников 2-го разряда» (или «младших научных сотрудников») и в этом звании продолжали учиться до окончания курса.

В начале 20-х годов в Институте (уже не Российском, а Государственном институте истории искусств) работали крупнейшие профессора — искусствоведы, музыковеды, театроведы. Отдел ЛИТО возглавляли В. М. Жирмунский, Б. М. Эйхенбаум, В. В. Виноградов, Б. В. Томашевский, Ю. Н. Тынянов. В 1921 г. в Институт пришли В. Н. Перетц и В. П. Адрианова-Перетц.

Они пришли вместе. Он — высокий, благообразный, пожилой академик, с несколько близорукими, но очень добрыми глазами, внимательно глядевшими сквозь очки на окружающую его молодежь; она — его ученица, почти на поколение моложе, красивая, живая, полная энергии и сил. Они пришли не только на ЛИТО: у них были занятия и на Театральном отделе — по истории русского театра XVII—XVIII вв. Но основное их

внимание было отдано нам, «словесникам». Владимир Николаевич читал нам методологию истории литературы, Варвара Павловна — древнерусскую литературу и фольклор.

Владимир Николаевич был единственным академиком и самым старшим по возрасту из всей руководящей верхушки тогдашнего ЛИТО. Добрый и чуткий, благожелательный к людям вообще, а к молодежи особенно, он был на занятиях строг, как никто другой из наших профессоров, а экзамены у него считались самыми страшными из всего четырехлетнего курса. Впрочем, на эти экзамены не так просто было попасть: к ним допускались только те из «младших», кто предварительно делал достаточно осмысленный доклад в специальном семинаре на одну из предлагавшихся тем по методологии истории литературы. И как же нам доставалось от нашего руководителя на этих первых наших публичных выступлениях! В наши тогдашние 19—20 лет мало кто из нас умел мыслить научно. К недостатку наших познаний Владимир Николаевич относился довольно снисходительно — он считал, что приобретение этих познаний для тех, кто серьезно хочет учиться, — вопрос прилежания и времени. Но были вещи, которых он не прощал и на которые ополчался самым суровым образом. Это была прежде всего — научная небрежность, недостаток внимания к первоисточникам и документам. То, о чем мы говорили в своих докладах, мы должны были знать твердо, точно, с подтверждающими выписками и цитатами, с указанием на тома и страницы. Никакая голословность и приблизительность тут не допускались. Вместе с тем Владимир Николаевич очень не любил излишней самоуверенности и легкого отношения к научным авторитетам прошлого, которое проскальзывало порою в высказываниях очень молодых начинающих ученых.

— «Скромнее, скромнее надо, — не раз говаривал он, — надо понимать, какая огромная работа была проделана до вас. Вы не на пустое место пришли. Очень хорошо измышлять новое, но сначала обернитесь и поглядите: что было сделано вашими предшественниками? Поглядите и усвойте. Вот тогда и идите дальше. И счастливый вам путь!».

Далее я помню, какая упорная борьба велась за выработку четкого и ясного научного языка. Никакой вычурности в этом плане Владимир Николаевич не терпел.

«Друг мой, Аркадий Николаич, об одном прошу тебя — не говори красиво!» — благодушно, но глубоко иронически замечал он в ответ на излишне «изысканные» фразы «младшего», постаравшегося в докладе украсить свои небогатые научные домыслы цветами ненужного красноречия, — «ведь обо всем этом гораздо понятнее можно сказать и проще».

И показывал — как именно. Незадачливый автор краснел, а мы все надолго запоминали эти уроки. И так же упорно, как с ненужной претенциозностью, боролся наш руководитель с излишним заполнением наших докладов и ответов иностранными оборотами и терминами.

«Вы русские люди, так по-русски и пишите, — внушал он нам, — зачем говорить чужими словами, когда столько хороших своих есть».

И всегда замечал наши провинности в этом плане. Дисциплина на его занятиях была строгая. Лекции и заседания семинара никогда не пропускались. Опоздания с докладами, отсрочка их, перенос на другой срок разрешались только в самых исключительных случаях; никакой распушенности, несобранности Владимир Николаевич нам не спускал. И при всем этом не было границ его заботливости о нас, особенно если он видел у кого-либо из учеников повышенный интерес к какому-нибудь научному вопросу и проблески самостоятельной исследовательской мысли. Его огромная библиотека была всегда к нашим услу-

гам; совет, помощь, консультация в неуточное время — всем этим мы могли пользоваться очень широко. Но зато с тех, кому уделялось особое внимание, требовалась и повышенная отдача в виде качества докладов, ответов на экзаменах и выступлений. Конечно, не всегда и не все бывало у нас удачным; но Владимир Николаевич никогда нас не высмеивал, не задевал молодого самолюбия. Он умел так тактично и острожно сделать иной раз очень чувствительное замечание, так верно направить мысль ученика на нужный путь, что после его критики — строгой, но всегда корректной — ни у кого не оставалось обид: обычно только росло желание преодолеть свои неудачи и добиться нужного успеха. Это был очень взыскательный учитель и воспитатель, у которого мы проходили серьезную школу культуры труда.

Я потому так подробно останавливаюсь на педагогическом портрете Владимира Николаевича, что он был учителем еще более близкого нам педагога — Варвары Павловны. Нельзя говорить о ней, не сказав сначала о нем. Она переняла от Владимира Николаевича и те же научные требования к своим ученикам, и его педагогический такт, и бескорыстное доброе желание помочь нам всем, чем только могла.

В 1924 г., после окончания курса, некоторые из нас были оставлены при Институте для дальнейшей научной работы. Через несколько месяцев, в 1925 г., к четырем основным отделам Института прибавилась еще одна ячейка — «Комитет социологического изучения искусств», сокращенно — СОЦКОМ. Потребность в этом была выдвинута самой жизнью.

В СОЦКОМ устремилась наиболее живая и пытливая струя как старших, так и младших научных сотрудников Института. СОЦКОМ объединял их не по признаку профессиональной специальности: в его четырех секциях (общей теории и методологии, крестьянской, музейной и искусства Октября) музыковед работал над одной темой со словесником, театровед — с «изобразителем». И музейные материалы, и искусство Октября, и художественную культуру деревни можно было изучать одновременно по данным различных искусств; такое комплексное изучение давало особо полное представление об изучаемом объекте.

В секции крестьянского искусства СОЦКОМа, которую руководил архитектор-искусствовед проф. К. К. Романов, собрались словесники, музыковеды, театроведы и художники, интересовавшиеся проблемами народного творчества. На заседаниях секции решались организационные вопросы, читались доклады общего характера, обсуждались программы публичных выставок и т. п. Но, кроме того, члены этой секции объединялись еще и маленькими группами по линии своей прямой специальности и собирались внутри своего отдела. При ЛИТО была таким образом организована секция поэтического фольклора, которую возглавил Владимир Николаевич. Фактически его активнейшим заместителем и нашим непосредственным руководителем была Варвара Павловна. В те далекие времена, от которых нас отделяет сегодня почти столетия, никто еще не мог предвидеть, какова будет роль этой маленькой секции в общем развитии советской фольклористической работы. Сегодня, глядя в прошлое, мы видим все ее значение.

Секция поэтического фольклора собиралась со своими фольклорными словесными проблемами обычно на квартире Владимира Николаевича и Варвары Павловны. На заседаниях, кроме обоих руководителей, всегда бывали тогда еще начинавшие ученые — А. М. Астахова, В. Я. Пропп, А. И. Никифоров, И. В. Карнаухова и др. Нередко присутствовали председатель крестьянской секции проф. К. К. Романов и театровед В. Н. Всеволодский-Гернгросс, иногда — В. М. Жирмунский и Э. Г. Иогансон,

изучавшие фольклор немцев Поволжья, и другие товарищи — члены крестьянской секции.

Основная разница между учеными — «формалистами» и нами, работавшими в СОЦКОМе, заключалась в следующем. Школа В. Н. Перетца приучала нас исследовать фольклор как отражение живой народной жизни, со всей сложностью ее социальных противоречий и социальной борьбы; нашим принципом было искать в фольклоре, как и во всем народном искусстве, отголоски двух разных культур с различиями их идеологической и художественной специфики. Формальный анализ текста, конечно, не исключался, но он был лишь одним из необходимых компонентов в системе нашей работы, а никак не ведущим принципом. Вместе с тем наши руководители раскрывали перед нами теснейшие связи народной поэзии с этнографией. «Формалисты» на фольклор так не смотрели; но в крестьянской секции и в секции поэтического фольклора, школе В. Н. Перетца, его рассматривали именно так.

Теоретические положения требовали проверки на материале, преимущественно собранным собственными руками. Поэтому весь коллектив крестьянской секции с энтузиазмом встретил идею организации комплексных искусствоведческих экспедиций.

По мнению авторитетных ученых всех отделов Института, ехать следовало на Русский Север, где должно было наиболее наглядно сказаться воздействие новых общественно-политических и культурных влияний на традиционный быт деревни. Первая экспедиция была намечена на лето 1926 г. Мы должны были ехать в Заонежье. Дальше в наших перспективных планах стояли Пинега, Мезень, Печора...

Закипела работа по подготовке к поездке. Несмотря на пошатнувшееся здоровье, Варвара Павловна отдалась этой подготовке с таким же горячим увлечением, как мы сами.

Все будущие участники словесной группы экспедиции заранее наметили себе рабочие темы: А. М. Астахова хотела собирать былины и заговоры, И. В. Карнаухова и А. И. Никифоров — сказки, я — обряды и песни.

Каждому из нас следовало серьезно ознакомиться и с литературой по Заонежскому краю, и с фольклором его, собранным до нас. Каждому была указана (а в основном — и выдана на руки из библиотеки Варвары Павловны) груда книг по выбранной теме. С каждым проводились индивидуальные консультации. И каждый из нас должен был после проработки своего материала сделать на заседании доклад — показать, насколько он подготовлен к поездке. Владимир Николаевич достал из своего рукописного архива записи песен, частушек, заговоров и других фольклорных жанров, собранные им в студенческие годы, и щедро раздарил их нам, чтобы мы на этих черновых полевых записях могли поучиться технике собирательской работы.

«Не гоняйтесь за одними „парадными“, крупными фольклорными произведениями, — внушал он нам, — наряду с былиной и маленькая загадка или пословица — тоже ценность для науки. Не идите по верхам, по эффектным выигрышным материалам, смотрите в глубину».

От Варвары Павловны мы слышали, конечно, то же самое. Она диктовала нам перечень всех тех дополнительных этнографических сведений, которые мы должны были привезти в подкрепление к своим фольклорным записям и без которых нам трудно было бы разрабатывать эти записи в дальнейшем. Сами мы тогда еще многого не умели предвидеть. Кажется, было предусмотрено все что можно; обо всем, вплоть до нашей личной экипировки, подумали наши заботливые руководители.

Экспедиция 1926 г., в силу нашей неопытности, конечно, не была наукой безупречной. Но она действительно оказалась первой ласточкой и сразу поставила нас на рельсы самостоятельной собирательской и научно-исследовательской работы. Вернувшись, мы засели за наши первые фольклорные статьи — кто за былины, кто за сказки, кто за песни. Все эти работы, тщательно проредактированные негласным редактором Варварой Павловной и обсужденные в ее кабинете на заседаниях секции, вошли в первый выпуск институтского издания «Крестьянское искусство СССР», увидевшего свет к весне 1927 г. Этой же весной на большой выставке, посвященной 15-тилетию нашего Института, были представлены материалы Заонежской экспедиции — первой экспедиции ленинградцев, взявшей материал определенного района в едином комплексе, собравшей и разглядевшей искусство этого района со всех сторон одновременно. Вся подготовка наших «словесных» материалов к этой выставке шла под руководством Варвары Павловны.

После Заонежья действительно наступила очередь Пинеги, к экспедиции на которую Варвара Павловна также тщательно и заботливо готовила нас. Это было лето 1927 г. На следующий год в программу работ крестьянской секции была включена Мезень. За ней в туманной дымке будущего поднималась огромная, бурная, манящая своей неизведанностью Печора. Все эти стройно задуманные поездки осуществлялись год за годом, сменяя друг друга, обогащая нас опытом, наблюдениями, неизмеримой массой незабываемых впечатлений и творческих мечтаний. Экспедиции 1926—1929 гг. определили принципы и пути дальнейшей собирательской работы ленинградских фольклористов. Тут была заложена основа их научной работы на многие годы вперед.

Варвара Павловна поддерживала нас во всех наших творческих начинаниях. Она вместе с нами готовила второй выпуск «Крестьянского искусства СССР» со статьями об искусстве Пинеги и Мезени, вышедший в 1928 г. Перед нами начинали возникать очертания целого ряда еще не написанных статей и будущих книг — «Былины севера», «Сказки и предания Северного края», «Избранная лирика Карелии», «Песни Печоры», «Песенный фольклор Мезени» и др. Темы некоторых из них были подсказаны Варварой Павловной. Продуманные тщательно материалы ложились в основу кандидатских и докторских фольклорных диссертаций, в работе над которыми мы постепенно росли. Конечно, по поводу каждой диссертационной темы у нас шли с Варварой Павловной обстоятельные беседы — с ее указаниями, библиографической помощью, иногда даже со стилистическими исправлениями наших рукописей. Как памятно до сих пор каждому из нас крупные, своеобразно очерченные буквы постраничной правки, сделанные на полях ее рукой! При этом нам ничего не предписывалось, — нам только давали советы, нас наводили на мысли. Решали мы сами. Но наше доверие к этим исправлениям — всегда безусловно справедливым и обоснованным — было безграничным.

При подготовке фольклорной диссертации Варвара Павловна была всегда негласным консультантом, а иногда и официальным оппонентом на защите, представлявшим подробные отзывы — обычно доброжелательные, но всегда с замечаниями по существу и справедливой критикой. Кроме официального отзыва, каждый автор всегда получал от нее странички с замечаниями и советами, направленными к улучшению работы. Такую помощь молодым ученым мог подать специалист, не только обладающий большими профессиональными знаниями, но и искренно заинтересованный в росте кадров для будущего науки.

Как Владимир Николаевич, так и Варвара Павловна делали все, чтобы раздвинуть наш кругозор и дать нам дополнительно те знания, которых не давал по своей программе Институт. Так, например, нам не преподавались славянские языки, существенно необходимые фольклористу. Конечно, заниматься ими в секции поэтического фольклора с нами никто не мог. Но я помню, например, как Варвара Павловна — уже больная, по целым месяцам не выходявшая из дома, — отправляла меня в БАН с просьбой сделать выписку для ее собственной работы или проверить нужную ей цитату из болгарских, сербских или польских источников. Это были очень трудные для меня уроки. Но как можно было от них отказываться? Надо было добиваться. В другой раз Владимир Николаевич предлагал прорецензировать для печати ту или иную статью на белорусском или украинском языке. Опять надо было чего-то добиваться, догадываться, находить в словарях нужное слово. И хотя славянские языки по-настоящему таким способом, конечно, не могли быть изучены, но в результате подобных поручений мы получали первые навыки для работы с ними. Дальше надо было действовать самим. И мы работали: стыдно было не работать с такими учителями.

Нас воспитывали не только как специалистов-фольклористов, а еще и как ученых, для которых чувство долга перед наукой должно было быть выше личных эмоций. Я помню день заседания, на котором должен был слушаться ответственный доклад В. Н. Всеволодского-Гернгросса. В этот день Варвара Павловна получила известие о смерти отца. Но она провела заседание с полным самообладанием и до конца вечера ничем не обнаружила перед нами своих переживаний. Этот случай был не единственным, когда Варвара Павловна показала нам, что взятые на себя обязанности не должны нарушаться личными чувствами. Глядя на нее, каждый из нас проникался сознанием, что работа — самая благородная форма защиты от душевной слабости и упадка духа в трудные минуты. Она не думала поучать нас. Но урок получался сам собой — и оставался незабываемым.

После 1930 г. работа в Институте истории искусств была перестроена, крестьянская секция расформирована, а часть ее словесной группы перешла на работу в другие академические учреждения. Официальное руководство Владимира Николаевича и Варвары Павловны созданной ими школой ленинградских фольклористов кончилось. Но организованное ими дело уже пустило глубокие корни, и наш фольклорный коллектив продолжал свою творческую работу. Одна за другой выходили книги, задуманные нами в большом кабинете на улице Маяковского; одна за другой осуществлялись фольклорные экспедиции и командировки, построенные на принципах, воспринятых в секции поэтического фольклора. По-прежнему к Варваре Павловне мы несли и свои замыслы, и подготовленные к печати фольклорные статьи, и планы диссертаций. И на каждого из нас у нее хватало времени, терпения и участия. А ведь, кроме нас, фольклористов, были еще и «древники», и писатели, и литературоведы, и лингвисты, и историки. . . Все они шли к ней с тем же, с чем и мы. Поистине огромен был диапазон ее знаний, огромна была забота о советской науке и литературе, о кадрах, которым она всячески помогала продвигать вперед культуру нашей страны.

Мы отпраздновали их юбилей — сто лет со дня рождения Владимира Николаевича, восемьдесят лет со дня рождения Варвары Павловны. Сегодня они оба уже покинули нас. Но мы помним их — обоих вместе, — больших ученых, душевно богатых и щедрых людей, воспитывавших молодежь в лучших традициях русской науки, которые сами они берегли и развивали всю жизнь. Мы их ученики. И это обязывает ко многому.